

Герои мои — люди всевозможных профессий. Затрудняюсь сказать, кого только ни приходилось играть. Но, думаю, не в профессиях дело. Играть стараюсь людей, характеры, а не их работу, специальность.

Как актер-гражданин, я обязан откликаться на все те перемены, события, что происходят вокруг нас, в нашем обществе. Сейчас хочется, как никогда, быть к себе жестче и требовательнее, чтобы полнее донести до зрителя то, что важно ему сказать. А просто очередной экзерсис, упражнение в рамках той или иной роли меня уже не интересует.

Как у каждого актера, есть у меня особенно дорогие мне роли, которые я сейчас уже не играю, но вспоминаю с душевной теплотой и, некоторой грустью. «Два цвета», «На дне», «Традиционный сбор»... Там роли были большие, богатые. Не уступают им по насыщенности и нынешние мои работы в «Сталева-рах», «Трех сестрах», «Заседании парткома»... Двадцать пять лет на сцене. С этим, как говорится, не пошутить...

Как все начиналось? Да, наверно, так же, как и у большинства актеров, — с самодеятельности. Работал я на заводе слесарем, параллельно был ударником в джазе, было у меня такое хобби... Трудное послевоенное время, город Горький...

Так вот однажды увидел меня за барабаном директор Горьковского театрального училища, видимо, приглянулся я ему — выкидывал что-то на своем барабане несусветное... Он у меня спросил: «Хочешь ли ты учиться на актера?» «Очень хочу», — ответил я, хотя совершенно не представлял, чему там нужно и можно учиться.

И вот, отлично помню, на седьмой день сентября 1947 года я пришел в училище. Пришел и обомлел: вместо парт и скамеек, уроков, строгих преподавателей — ребята и девчата танцевали, кричали скороговорки, кого-то изобразжали... И названия предметов какие: «Мастерство актера», «Танец», «Сценическая речь»...

Помню свой первый этюд, длился он, наверное, минут тридцать, и теперь, задним числом, понимаю, что смотреть это было невозможно... Но все мы когда-то что-то делали в первый раз, потом во второй, потом

в конце концов лучше ли, хуже ли — научились. Я окончил училище и попал по распределению в город Владимир, в драматический театр. Пробыв там три года и сыграв, что по теперешним временам удивительно, двадцать три роли.

А потом сжег корабль, перестал быть артистом, переехал в Москву и вновь стал... студентом. На этот раз — студентом третьего курса школы-студии МХАТ. Проучился два года, окончил курс и был взят в труппу Художественного театра. А через год в моей жизни произошло событие, изменившее всю дальнейшую мою судьбу.

Во главе с Олегом Ни-

роли Чебутыкина — в чеховских «Трех сестрах». Роль эта досталась мне «в наследство» от М. Яншина и А. Грибова, которые играли ее на протяжении сорока лет. Принимая эстафету от таких великих мастеров, я понимал, что не смогу сразу удовлетворить своих партнеров и зрителей, не смогу пока (хочу надеяться, что пока) найти в ней себя. Однако то, что я понимаю свое нынешнее положение плюс огромное желание работать, — все это, думаю, даст определенный результат.

Мне кажется, актер должен уметь играть все: людей хороших и плохих, простых и коварных...

с Василием Макаровичем Шукшиным.

Я не знаю, а он сам этого никогда не говорил, почему, меня пригласили в его картину «Странные люди». В то время я знал кое-что о нем — прозаике, но как с режиссером работать мне с ним не приходилось. И вот — приглашение.

На всю жизнь останется для меня загадкой такое слияние профессий — писатель, режиссер, актер... Правда, в той картине он не снимался, но чувствовалось, что он «изнутри» знает специфику нашей работы. Вспоминаю, как Василий Макарович, к примеру, дописывал сцену. Он видел, что актер или актриса неуютно себя чувствуют в той или иной сцене. Виною тому — текст. Тогда Шукшин брал ручку и переписывал всю сцену или вписывал какое-то слово, которое все ставило на свои места. Он умел восстановить всю логику образа, чтобы характер персонажа «не рвался», чтобы не было, как говорят, «психологических дырок». Скромный по своей натуре человек, он был удивительно бережен с актером.

...Существенно и то, с каким партнером играешь.

Очень сложно играть с теми, кто любит подмечать недостатки у товарищей. Даже если актер действительно сделал что-то не так, нужно, по моему, первым делом понять его, подстроиться к его самолюбию, пойти за ним... А если мы во время работы начнем заниматься выяснением, кто прав, а кто нет, то сами понимаем... Партнер... Как много в этом звуке. Один мой знакомый актер носит очки, но репетирует без них. Однажды, когда шла репетиция и по ходу пьесы режиссер разрешил герою надеть очки, тот ответил: «Нет, не могу. Если я их надену, то увижу своего напарника, чего мне крайне не хочется!» А ведь наша работа невозможна без взаимодействия, без товарищества.

Планы? Всего ведь не предусмотреть. Вот сейчас только что отснялся у Зархи в «Повести о неизвестном актере», в театре репетирую у Олега Ефремова вместе с Иннокентием Смоктуновским чеховского «Иванова». И буду играть Шабельского... Работа огромная. Ей отдано целиком все время, поэтому отложил или отказался от многих работ в кино, на телевидении. А что получится, время покажет...

Беседу вел Е. РЫК,
Д. ГАФИН.

НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ

РАССКАЗЫВАЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВСТИГНЕЕВ,
НАРОДНЫЙ АРТИСТ РСФСР

колаевичем Ефремовым была организована студия молодых актеров, из которой впоследствии родился театр «Современник». Я там проработал семнадцать лет, а потом, вследа за Олегом Николаевичем, вернулся в Художественный театр. Таков мой путь...

В 1957 году я впервые снялся в кино — в маленькой роли полковника Петерсона в «Поединке» Куприна. Отсюда берет начало моя деятельность в кино.

Конечно, «воскресений» у нас, актеров, маловато, все больше понедельники. Но уже то, что ты создаешь себя частью театра, — праздник...

В работе актера конечный ее этап — спектакль, роль... И очень грустно, когда роль не выходит, когда что-то у тебя там, внутри, не совпало, а ты должен выходить сегодня вечером на сцену, к зрителю. Конечно, продолжаясь над ролью работать, хотя чувство недовольности, недотантовости остается и напоминает о себе. Но ведь играть нужно и в том случае, когда роль тебе успеха не приносит. Ибо ставить вопрос, чтобы тебя заменили, когда спектакль уже готов, слишком большая для коллектива накладная. А со мной так случилось в

Другое дело, что нужно сознавать свои возможности. Я, например, не могу играть Ромео — публика бы этого мне не простила, но в принципе я должен уметь его играть. Показывать этого нельзя, но уметь нужно. Мне было бы интересно попробовать сыграть и... женскую роль. Просто любопытно было бы посмотреть, что бы из этого получилось.

Однажды вышло так: пригласили меня сняться в сказочном фильме в роли героя-простака. Я подумал: одним простаком меньше, одним больше — зачем мне эта роль? Откажусь и попрошу режиссера дать мне женскую роль — ведьмы. Но он испугался такого предложения и роль мне эту не доверил. А напрасно, по моему, могло получиться интересно... Молодой режиссер слишком серьезно отнесся к сказке, а ведь сказка должна быть забавной.

Конечно, от режиссера многое зависит в нашем деле. Я очень люблю Рязанова, Хуциева, Климова, Алова и Наумова, с удовольствием с ними работаю. И они, зная мои человеческие и актерские возможности, предлагают мне чаще всего интересную работу.

Яркой страницей в моей биографии стала работа